

Мальцева Инга Геннадьевна,

кандидат филологических наук, доцент, кафедра немецкой филологии, Институт иностранных языков, Уральский государственный педагогический университет, 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д.26, к. 464; e-mail: inmalzeva@mail.ru.

ТЕМАТИЗАЦИЯ ВОЙНЫ В ЭССЕИСТИКЕ РОБЕРТА МЮЛЛЕРА

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Роберт Мюллер (1887-1924); австрийский экспрессионизм; общественно-политическое мышление; эссе; война; пацифизм.

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу эссеистики австрийского экспрессиониста, активиста, журналиста и издателя Роберта Мюллера (1887-1924). В эссеистике Мюллера наиболее ярко проявилось его общественно-политическое мышление. Свои эссе писатель использовал как тренировочный полигон для осмысления и апробации собственных литературно-теоретических и общественно-теоретических идей. В плане тематизации войны и последующего переосмысления этого феномена под влиянием реального военного опыта можно выделить четыре этапа. Первый (довоенный) этап предполагает положительную оценку феномена войны как способа прогрессивного обновления человеческого типа. Второй (военный) этап переносит акценты в положительной оценке на необходимость войны для реализации политической идеи «германизации». Третий (военный) этап в тематизации войны характеризуется отказом от оценки данного феномена, в понимании войны появляется субъективная составляющая, которая в стремлении к объективности старается полностью абстрагироваться от эмоций. На четвертом (послевоенном) этапе феномен войны переходит в сферу личных переживаний и эмоций. Человек из материального объекта становится субъектом, испытывающим все тяготы и невзгоды войны на собственном опыте. Оценка войны меняет свою полярность. Данные этапы осмысления феномена войны выступают как этапы трансформации внутреннего мира человека, который ушел на войну солдатом, а вернулся пацифистом.

Maltseva Inga Gennad'evna,

Candidate of Philology, Associate Professor of Department of German Philology, Institute of Foreign Languages, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

THEMATISATION OF WAR IN ROBERT MULLER'S ESSAYS

KEYWORDS: Robert Muller (1887-1924); Austrian expressionism; socio-political thinking; essay; war; pacifism.

ABSTRACT. The article deals with the essays of the Austrian expressionist, activist, journalist and publisher Robert Muller (1887-1924). The essays of Muller reflect his socio-political thinking. The author used his essays as test ground for consideration and approbation of his literary and socio-theoretical ideas. From the point of view of thematisation of the war and the following rethinking of this phenomenon influenced by the real war experience, one can mark out four phases. The first (pre-war) phase estimates the war positively as a way of progressive renewal of the human type. The second (war) phase shifts the stress of positive estimation upon the necessity of the war for realization of political ideas of "Germanization". The third (war) phase is characterized by the refusal to estimate the phenomenon of the war and includes some subjective components, which are made as emotionless as possible in pursuit of objectivity. In the fourth (post-war) phase, the phenomenon of the war switches to the sphere of personal feelings and emotions. From a material object the person becomes a subject that suffers all the hardships and miseries of the war personally. The estimation of the war changes its polarity. The phases in question stand out as stages of the inner world transformation of the person that goes to war as a soldier and comes back as a pacifist.

Австрийский писатель-экспрессионист и активист Роберт Мюллер (1887-1924) выделялся среди своих современников не только внешностью (высокий блондин с голубыми глазами и спортивной фигурой), творческой плодовитостью (более 500 публикаций) и активной издательской деятельностью [ср. 1, с. 50-57], но и неоднозначными взглядами на политику, культуру и общество.

Общественно-политическое мышление Мюллера наиболее ярко проявлялось в его эссеистике. Свои эссе писатель использует как тренировочный полигон для осмысления и апробации своих литературно-теоретических и общественно-теоретических идей.

Одной из особенностей эссеистики Мюллера является противоречивость его

теорий, циркулирующих вокруг таких ключевых понятий, как государство, нация, народ, раса, культура и общество. В своих публицистических текстах он постоянно ставит под сомнение и переворачивает с ног на голову те постулаты, которые сам же и предлагает. Особенно во время Первой мировой войны (1914-1918) бросается в глаза постоянная смена парадигм в эссеистике Мюллера.

В целом публицистическое творчество писателя можно охарактеризовать как переплетение самых разнообразных «измов», противоречий, культурно-теоретических и общественно-теоретических подходов, перерастающее в общественную утопию, постоянно колеблющуюся между монархией, демократией и властными структурами фашистского толка.

Неизменной на протяжении всей его творческой деятельности остается последовательность аргументации, проявляющаяся в перманентной тяге к прогрессу. Именно это стремление становится всеобъемлющей самоочевидностью в мыслительной схеме Роберта Мюллера как писателя.

При анализе эссеистики Мюллера внимание привлекает стилистика автора, его чрезвычайно взвешенный подход к выбору лексики. Продуманная связь предложений и выделение ключевых слов позволяют Мюллеру формулировать требования, которые, несмотря на их противоречивость, всегда имеют исключительную силу выразительности. Возможно, именно языковое мастерство писателя, его «пластичный чуткий язык и неистовый интеллектуальный темперамент» [4, с. 280] лежат в основе последовательности его противоречивых теорий.

Вся эссеистика Мюллера представляет собой субъективное отображение исторического многообразия дискурсов современного ему времени, когда мечущийся в постоянной неуверенности человек искал опору и спасительный якорь в постоянно меняющемся мире.

Исходными идеологическими рамками культурно-критических и политических размышлений писателя стали расово-теоретические (Ж. А. Гобино, Х. С. Чемберлен), социально-дарвинистские (Л. Вольтман, Г. Ратценхофер) подходы и философия Ницше.

На раннем этапе творчества политические размышления Мюллера были посвящены исключительно внешнеполитическим вопросам. Вопросами внутриполитических дискурсов он в основном либо пренебрегал, рассматривая их периферийно, либо обозначал их схематически. На позднем этапе его творчества это приводит к полному отказу от анализа любых реальных внешне- и внутриполитических событий и к созданию культурно-политических утопий.

В целом анализ эссеистики Мюллера показывает, что тематизация войны в его публицистических произведениях проходит четыре этапа переосмысления этого феномена в связи с личным военным опытом писателя.

На первом (довоенном) этапе Мюллер рассматривает войну как культурный и продуктивный принцип существования, субстанционально идентичный человеку, война как тип экзистенции предполагает, по мнению Мюллера, лишь гибель материальных объектов, но не духа, и оценивается крайне положительно.

Используя в качестве основы для сравнения стремление вырваться из царства буржуазной «нормальности», Мюллер рассматривал войну и социальную революцию

в рамках одной парадигмы. Попытка либеральной буржуазии заклеить политику экспансии немецкого национального государства в 80-х годах 19 века как манию колониализма превратила Мюллера в энтузиаста колониальной политики.

Вероятно, по этой причине война у Мюллера выступает не только как властно-политическая борьба, но и как общественно-политический и культурно-политический процесс. В 1912 году в эссе «*Apologie des Krieges*» («Апология войны») Мюллер пишет, что «война желательна не как таковая, а в своих этических явлениях и в своей продуктивности» [6, с. 49] (перевод здесь и далее наш).

Таким образом, за два года до начала Первой мировой войны Мюллер описывает этот феномен как однозначно позитивное событие, имеющее мало общего с такими архетипическими ассоциациями, как геноцид и насилие. Ведь война не выступает «против культуры, т.к. она сама является культурой» [там же, с. 48].

Подобное понимание войны как антропологического концепта у Мюллера следует рассматривать как симптом его времени, особенно остро ощутившего потребность в прогрессивном обновлении человеческого типа. Традиционные общественные образцы, глубоко укоренившиеся в коллективном антропологическом сознании, требовали пересмотра и новой дифференциации.

Помимо этого не стоит забывать, что на первых порах война очаровывала и приводила в восторг многих современников писателя. Для Мюллера, как экспрессиониста, феномен войны стал идеей фикс, ведь именно в войне он видел апогей коллективного катарсиса, способного породить новый тип людей. А этот «новый человек», тематизируемый в экспрессионизме, использует войну как повод и как обязательное условие своего появления [ср. 5, с. 207].

На волне коллективной эйфории Мюллер 5 сентября 1914 года добровольцем идет на фронт. Это событие дает толчок второму (военному) этапу, который характеризуется у Мюллера переходом от абстрактного понимания войны к рассмотрению ее фактической составляющей как средства реализации политических идей и амбиций. Оценка остается положительной, т.к. война обосновывается как неизбежная необходимость для победы «идеи германизации».

Так, в 1915 году фронтовик Мюллер пишет в письме издателю журнала «*Brenner*» («*Бреннер*», «*Светильник*») Людвигу фон Фикеру, что эту войну нужно понимать как еще одно «испытание немецкой духовности» [7, с. 66].

Осенью 1915 в связи с ранением Мюллер возвращается с фронта. Военный невроз, ставший коллективной травмой целого поколения, не пощадил и писателя, который получил нервный шок при взрыве гранаты. Помимо телесной травмы война оставила свой след и в психике Роберта Мюллера [2, с. 32-33]. Его друг и попутчик А. Э. Рутра в 1927 году так вспоминает возвращение Мюллера: «Глубоко потрясенным он вернулся с ужасной бойни на Изонцо, полный решимости дезертировать, если придется возвращаться обратно» [13, с. 317].

Тем не менее, эссе «*Macht*» («Власть»), написанное Мюллером в военные годы, еще не дает почувствовать, насколько разрушительной стала война для его теорий. Напротив, это эссе последовательно продолжает размышления, начатые Мюллером еще до войны в эссе «*Was erwartet Österreich von seinen jungen Thronfolger?*» («Что ожидает Австрия от своего юного престолонаследника?», 1914), о духовной элите, имеющей исключительные притязания на власть и на право решать судьбу государства [12, с. 7-81].

Однако в эссе «*Macht*» («Власть») уже налицо изменения в языковом оформлении мыслей писателя. Формулировки Мюллера становятся более понятными и последовательными, можно даже сказать более радикальными в отличие от его высказываний до начала войны. В этом эссе Мюллер как на войне идет в наступление, используя свою аргументацию. Как на фронте он атакует все, что стоит на его пути и на пути его идеи о «германцах», с тем лишь отличием, что в данном случае в качестве оружия он использует слова.

Эта вербальная агрессивность превращает эссе «*Macht*» («Власть») не просто в пропаганду войны, но и в памфлет против любой потенциальной оппозиции, выступающей против «германской» идеи. Мюллер ожесточенно выступает против любой критики, пытающейся пробудить сомнение в правомерности войны и политических действиях Австро-Венгрии и Германии.

Так, Мюллер заочно полемизирует с ирландским драматургом Дж. Б. Шоу, критиковавшим в своем политическом сочинении «*Common Sense About the War*» («Война с точки зрения здравого смысла», 1915) империалистические действия Германии в отношении Бельгии, оккупированной в 1915 германской армией [ср. 15, с. 26-30]. Сохраняя оборонительную позицию в отношении всех критиков, Мюллер пытается придать легитимность империалистическим и милитаристическим маневрам немцев. Ведь никто не может упрекнуть Германскую империю в желании прибрать к рукам Бельгию из властно-политических

интересов. Здесь мотивы, по мнению Мюллера, намного благороднее: «Для нас немцев дело совсем не в нападении на чужие государства или в аннексии Бельгии. Эти вещи находятся всецело на периферии» [11, с. 88]. Также интересен тот факт, что Мюллер, имея в виду существующие обстоятельства, все чаще апеллирует к духу немецкой общности, к чувству «мы».

Несмотря на то, что Мюллер, как и прежде, не поддерживает идею империализма, в своем эссе он пропагандирует его воинствующие и захватнические проявления. Так, он ищет и находит основания, оправдывающие оккупацию Бельгии. Обосновывая свои аргументы с помощью аналогий, он ссылается на Ницше: «Заратустра учил: скрижали закона надо разбить. Высеките новые» [там же, с. 99].

В отличие от ранних публикаций в эссе «*Macht*» («Власть») можно отметить и существенное изменение терминологии. Здесь Мюллер уже не использует абстрактные понятия «германцы» и «германизация», уточняя формулировку, он говорит теперь о «немцах».

Вероятно, пережитый опыт войны все же заставляет Мюллера пересмотреть свои идеалы. Он начинает формулировать более реальные цели, его требования становятся более умеренными и рассудительными. Фактически он пересматривает требования, выдвинутые до 1915 года, когда называет выгодные торговые контракты, таможенные и военные союзы «формой завоевания» [там же, с. 133].

Однако такое понимание внешней политики окончательно приближается к позициям так презираемых Мюллером империалистов [там же, с. 190]. Когда он говорит о добыче ресурсов в потенциальных колониях, очевидным становится изменение его отношения к империалистической политике завоеваний: «Мыслители, художники и профессора как колонизаторы отправляются на Восток» [там же, с. 139].

Настаивая на своих позициях, писатель представляет сокрушительные поражения австрийских и немецких войск на фронте как результат непонимания немецкой идеи. Вместо признания отрезвляющего фронтового опыта Мюллер погружается в плаксивые, пропитанные самосостраданием рассуждения об уязвимости немцев. Эти рассуждения выступают как символ крушения его немецкой идеи. «Эта война вскрыла нам глубоко укоренившееся заблуждение. Нигде нет милости для немецкого народа, нигде нет понимания <...>. Нет, в мире не понимают нас, ни нас, ни нашу беду, ни наш разум, ни наше право» [11, с. 139].

В этой тираде можно распознать упорство, с которым Мюллер продолжает цепляться за свою веру в идею «германизации». Он не упускает возможности пуститься в безвкусное самовосхваление и мистификацию, и в этот час «одиначества <...> Европы» [там же, с. 140], он вспоминает такие древние объединяющие народ и укрепляющие национальную идентичность мифы как «Песнь о Нибелунгах» [там же, с. 139-140].

Изначально схематичное понимание реальной политики у Мюллера окончательно растворяется в нанизывании не поддающихся проверке гипотез. Здесь также наглядно проявляется тенденция дистанцирования от реальных политических событий. «Мюллер уклоняется от рассмотрения реальных военнополитических событий. Он избегает проверки возможностей реализации своих международных целеустановок предвоенных и первых военных лет на основе реальных исторических событий» [3, с. 194].

В этой связи неудивительно, что тезисы Мюллера после 1915 года, например, эссе «*Europäische Wege. Im Kampf um den Typus*» («Европейские пути. В борьбе за тип»), получают совершенно другое звучание. Его послевоенные положения возникают как будто исключительно из умозрительных экспериментов и не предлагают никаких конкретных общественно-политических действий. Особенно наглядно это проявляется в концепции Мюллера о дуальной государственной структуре, в которой писатель проводит биполярное разделение между «машинным» и «музыкальным» государством [9, с. 205].

Согласно Мюллеру абсолютная технизация жизненного мира освободит человека от бремени повседневности и даст ему возможность полностью посвятить себя культуре и музе. Тем самым человек, освобожденный от повседневности, переходит из «машинного» государства в «музыкальное». В этой концепции отражается первый пик абсурдных государственных утопий Мюллера.

Однако под влиянием Первой мировой войны Мюллер заметно упрощает свои тезисы, все больше превращая конкретные общественно-политические программы в схематичные наброски. Образам войны удалось усмирить воинствующую идею «германизации» и вырвать Мюллера из тугого корсета его прогрессивной программатики.

На третьем (военном) этапе в тематизации войны появляется субъективная составляющая, которая, тем не менее, характеризуется абстрагированностью от эмоций.

Многие друзья Мюллера отмечали, что фронтовые переживания не оставляли его на протяжении всей его жизни. Его первоначальный воинственный пыл постепенно

сменился отрезвлением. Переворот в понимании феномена войны у Мюллера происходит после 1915 года. Травмирующий фронтовой опыт на реке Изонцо стал причиной того, что писатель в конечном итоге переходит на позиции пацифизма и идеологически приближается к тому, к чему до войны, в частности в лице Карля Крауса, он всегда чувствовал отвращение.

Если до начала Первой мировой войны Мюллер видел в военном принципе природную, творческую силу обновления, то грубая реальность войны заставила его пересмотреть свои взгляды. «Ужасная реальность» привела к отрицанию теорий [13, с. 51].

Военные очерки «*Frontleute*» («Фронтовики») и «*Isonzobibel*» («Библия Изонцо») от 1916 года позволяют глубже заглянуть в мир переживаний человека, который ушел солдатом, а вернулся пацифистом. В обоих эссе, написанных в форме военных донесений, прослеживается «преимущественно стыдливое признание “воинствующего пацифиста”, чья проекция архаичных военных идеалов на современную массовую войну потерпела крушение, и впоследствии обратившегося к “пацифизму действия”» [3, с. 100].

В эссе «*Frontleute*» («Фронтовики») и «*Isonzobibel*» («Библия Изонцо») Мюллер описывает военные события дистанцированно и трезво. Даже выбор лексики, используемой Мюллером для описания своих военных переживаний, больше напоминает инструкцию для фронтовиков, а не травматический отчет о военных действиях. «Ты будешь очень разочарован. Ведь ты, как читатель, конечно, хочешь услышать о личных переживаниях. Ну, у меня их нет. <...> Я хочу попытаться показать тебе это основное оглушающее переживание войны абстрактно» [10, с. 206].

На четвертом (послевоенном) этапе феномен войны переходит в сферу личных переживаний и эмоций. Так, в 1923 году, в ретроспективе, Мюллер изображает свой опыт фронтовика, используя совершенно иную (анатомически подробную и более эмоционально нагруженную) манеру: «Я никогда не испытывал явного малодушия. Но на самом деле мы постоянно боялись смерти. И тут я хорошо рассмотрел современного героя. Его лицо всегда выражало печаль, тоску и одиночество. ... [они] ругаются, иронизируют, испытывают отвращение к неизбежной смерти, которая как раз вокруг свистела и засвистит снова, сторбившись, как предписывает инструкция в половину высоты укрытия, никакой благородной осанки и никакого красивого лица, груди несчастья и разобщенности. Но курят сигареты. Съедают последние волокна говядины, чтобы не умереть голодными, опоражниваются так ловко,

как возможно, и в слабой надежде, что очевидное пулевое ранение в живот все же не станет смертельным <...>. Так ты знаешь это безграничное одиночество фронтовиков?» [8, с. 214-216].

Таким образом, на этом этапе переосмысления феномена войны человек у Мюллера из материального объекта становится субъектом, испытывающим все тяготы и невзгоды войны на собственном опыте. Оценка феномена войны меняет свою полярность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Hall M. G. Österreichische Verlagsgeschichte 1918-1938. Bd. 2. Belletristische Verlage der Ersten Republik. Wien; Köln; Graz : Hermann Böhlau, 1985.
2. Heckner S. Die Tropen als Tropus. Zur Dichtungstheorie Robert Müllers. Wien; Köln : Böhlau, 1991.
3. Helmes G. Robert Müller. Themen und Tendenzen seiner publizistischen Schriften (1912-1924): mit Exkursen zur Biographie und zur Interpretation der fiktionalen Texte. Frankfurt am Main ; Bern ; New York : Lang, 1986.
4. Hesse H. Schöne neue Bücher. 1917 // Expressionismus – Aktivismus – Exotismus: Studien zum literarischen Werk Robert Müllers (1887-1924) / Helmut Kreuzer; Günter Helmes (Hrsg.). Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 1981. S. 280-281.
5. Kiefer K. H. Diskurswandel im Werk Carl Einsteins: ein Beitrag zur Theorie und Geschichte der europäischen Avantgarde. Tübingen : Niemeyer, 1994.
6. Müller R. Apologie des Krieges // Kritische Schriften I / Günter Helmes (Hrsg.). Hamburg: Igel, 2011. S. 45-49.
7. Müller R. Brief vom 26. Feber 1915 an Ludwig v. Ficker // Briefe und Verstreutes. Paderborn : Igel, 2010.
8. Müller R. Ein Leutnant // Rassen, Städte, Physiognomien: kulturhistorische Aspekte / Stephanie Heckner (Hrsg.). Paderborn : Igel, 1992. S. 198-217.
9. Müller R. Europäische Wege im Kampf um den Typus // Gesammelte Essays / Michael M. Schardt (Hrsg.). Hamburg : Igel, 2011. S. 195-291.
10. Müller R. Frontleute // Kritische Schriften I / Günter Helmes (Hrsg.). Hamburg: Igel, 2011. S. 205-208.
11. Müller R. Macht. Psychopolitische Grundlagen des gegenwärtigen Atlantischen Krieges // Gesammelte Essays / Michael M. Schardt (Hrsg.). Hamburg : Igel, 2011. S. 85-140.
12. Müller R. Was erwartet Österreich von seinem jungen Thronfolger? // Gesammelte Essays / Michael M. Schardt (Hrsg.). Hamburg : Igel, 2011. S. 7-81.
13. Pflaum B. Politischer Expressionismus. Aktivismus im fiktionalen Werk Robert Müllers. Hamburg : Igel, 2008.
14. Rutra A. E. Pionier und Kamerad. 1927 // Expressionismus – Aktivismus – Exotismus: Studien zum literarischen Werk Robert Müllers (1887-1924) / Helmut Kreuzer; Günter Helmes (Hrsg.). Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 1981. S. 314-318.
15. Shaw G. B. Common Sense About the War // The New York Times. Current History of the European War. Vol. 1. No. 1. What Men of Letters Say. New York : The New York Times Company, 1914. p. 11-60.

REFERENCES

1. Hall M. G. Österreichische Verlagsgeschichte 1918-1938. Bd. 2. Belletristische Verlage der Ersten Republik. Wien; Köln; Graz : Hermann Böhlau, 1985.
2. Heckner S. Die Tropen als Tropus. Zur Dichtungstheorie Robert Müllers. Wien; Köln : Böhlau, 1991.
3. Helmes G. Robert Müller. Themen und Tendenzen seiner publizistischen Schriften (1912-1924): mit Exkursen zur Biographie und zur Interpretation der fiktionalen Texte. Frankfurt am Main ; Bern ; New York : Lang, 1986.
4. Hesse H. Schöne neue Bücher. 1917 // Expressionismus – Aktivismus – Exotismus: Studien zum literarischen Werk Robert Müllers (1887-1924) / Helmut Kreuzer; Günter Helmes (Hrsg.). Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 1981. S. 280-281.
5. Kiefer K. H. Diskurswandel im Werk Carl Einsteins: ein Beitrag zur Theorie und Geschichte der europäischen Avantgarde. Tübingen : Niemeyer, 1994.
6. Müller R. Apologie des Krieges // Kritische Schriften I / Günter Helmes (Hrsg.). Hamburg: Igel, 2011. S. 45-49.
7. Müller R. Brief vom 26. Feber 1915 an Ludwig v. Ficker // Briefe und Verstreutes. Paderborn : Igel, 2010.
8. Müller R. Ein Leutnant // Rassen, Städte, Physiognomien: kulturhistorische Aspekte / Stephanie Heckner (Hrsg.). Paderborn : Igel, 1992. S. 198-217.
9. Müller R. Europäische Wege im Kampf um den Typus // Gesammelte Essays / Michael M. Schardt (Hrsg.). Hamburg : Igel, 2011. S. 195-291.
10. Müller R. Frontleute // Kritische Schriften I / Günter Helmes (Hrsg.). Hamburg: Igel, 2011. S. 205-208.
11. Müller R. Macht. Psychopolitische Grundlagen des gegenwärtigen Atlantischen Krieges // Gesammelte Essays / Michael M. Schardt (Hrsg.). Hamburg : Igel, 2011. S. 85-140.
12. Müller R. Was erwartet Österreich von seinem jungen Thronfolger? // Gesammelte Essays / Michael M. Schardt (Hrsg.). Hamburg : Igel, 2011. S. 7-81.
13. Pflaum B. Politischer Expressionismus. Aktivismus im fiktionalen Werk Robert Müllers. Hamburg : Igel, 2008.
14. Rutra A. E. Pionier und Kamerad. 1927 // Expressionismus – Aktivismus – Exotismus: Studien zum literarischen Werk Robert Müllers (1887-1924) / Helmut Kreuzer; Günter Helmes (Hrsg.). Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 1981. S. 314-318.
15. Shaw G. B. Common Sense About the War // The New York Times. Current History of the European War. Vol. 1. No. 1. What Men of Letters Say. New York : The New York Times Company, 1914. p. 11-60.

Статью рекомендует д-р филол. наук, проф. Н. В. Пестова.